

Павел Крючков,
заместитель
главного редактора
журнала
«Новый мир»:

Робинзон Иванович, или Во что верил неверующий писатель*

* Этот текст является отзывом на главу из повести Елены Зелинской «Трое с острова Отчаяния», посвященной К. И. Чуковскому и опубликованной в прошлом номере нашего журнала («Фома», № 136, август 2014. — *Ред.*)

В середине 1960-х годов один наш известный и очень пожилой писатель, озабоченный тем, что миллионы его современников, посещая картинные галереи, читая стихи Пушкина и Лермонтова, употребляя в повседневной речи выражения вроде «на седьмом небе» или «внести свою лепту», были и остаются, как он сам говорил, обкраденными, решился на почти безумное предприятие.

Он знал, что советские дети, да и большинство родителей, решительно не понимают смысла многих сюжетов и образов, пришедших в культуру из Библии, и задумал составить популярный сборник пересказов основных сюжетных линий Ветхого Завета (о Новом, понятно, речи быть не могло, в будущую книгу «прорвалась» только Христова притча о блудном сыне).

Заметим, что инициатор издания и большинство приглашенных им авторов были людьми не религиозными. Когда работа закончилась, составитель написал к этому сборнику («Вавилонская башня и другие библейские предания») предисловие.

«...Прочтите в нашей книге историю блудного сына, и вы поймёте, почему Рембрандт и другие художники так любовно изображали ее в своих гениальных картинах. Вы узнаете о жалкой судьбе безумного юноши – “блудного сына”, который, не слушая уговоров отца, стал вести разгульную, праздную жизнь и в конце концов чуть не погиб. Только возвращение в родительский дом спасло его от неминуемой гибели. И как великодушен отец, простивший ему все свои обиды и слезы! Из этой книги вам будет нетрудно узнать, кто такой был юный Давид и с каким великаном он так хорошо сразился ради того, чтобы спасти свою родину.

Здесь, в этой книге, мы попытались пересказать для детей несколько чудесных легенд древнего еврейского народа, которые вот уже тысячи лет волнуют миллионы сердец — так

Корней Чуковский.
Рисунок
Владимира
Маяковского

они прекрасны и мудры. Недаром в течение многих веков замечательные скульпторы, живописцы, поэты создали по этим легендам столько бессмертных произведений искусства. Легенды эти собраны в книге, которая называется Библия. Религиозные люди верят, будто эта книга священная и будто она продиктована с неба самим Господом Богом, который хотел научить свой народ, как ему жить и трудиться».

По ходу работы с издательскими редакторами и цензорами «Вавилонская башня» претерпела большие мучарства. От составителя требовали убрать слова «Бог», «ангелы», «евреи» и даже «Иерусалим». Но и появление в рукописи волшебника Ягве издание не спасло. В 1967 году книгу отпечатали и тут же весь тираж уничтожили. В новейшем времени, на рубеже 1980-х и 1990-х — с возвращенными на свое место Богом и ангелами — сборник вышел, но составитель и некоторые авторы до этого события уже не дожили.

Это, конечно, была совсем не «Библия для детей».

Верующий человек пролистнет ее, скорее всего, с сочувствующей улыбкой.

Из дневника измученного цензурными придирками составителя: «Я жалею, что согласился составить эту книгу. Нападут на меня за нее и верующие и неверующие. Верующие — за то, что Священное Писание представлено здесь как ряд занимательных мифов. Неверующие — за то, что я пропагандирую Библию...» (1965).

Составителя книги и автора дневниковой записи звали Корней Чуковский.

Летом 1968-го он записал в свой дневник и такое: «Была у меня Мария Вениаминовна Юдина. Принесла мне религиозные брошюры и журналы с портретами епископов и архиереев. Очень жалела, что у меня нет пианино: хотела сыграть мне Мусоргского. Из вежливости я скрыл от нее, что я не верю в Бога и ничего не смыслю в музыке»...

На своем острове Отчаяния он остался одиноким Робинзоном, которому прийти к Богу и к Церкви помешал не большевистский режим и кровавый таракан Сталин, но — другое. Об этом я немного говорил в статье «Корнеева радость» («Фома», 2004, № 6).

Прочитав главу из повести Елены Зелинской, я сначала встревожился: а вдруг читатель решит, что угрюмо-трагический персонаж, выведенный здесь под именем Корнея Ивановича Чуковского, — и есть настоящий Корней Чуковский. И, не дай Бог, осудит его — при всех замечательных оговорках автора повести о душе героя. Тем более что здесь цитируется дневник настоящего Чуковского, совпадают линии жизни и, в конце концов, на советских изданиях романа Дефо стоит имя Корнея Ивановича...

Правда, на советских титулах «Робинзона Крузо» (помните, с рисунками Гранвиля) сказано: «Пересказал Корней Чуковский». *Пересказал*, а не перевел.

Кстати, первое издание этой книги вышло в 1935 году, она издается и сегодня, ее многие любят и любят (и я в том числе). Но «духовная биография человека» из этой книжки, действительно, «вырезана» — и самим К. Чуковским, и всей той эпохой.

И это, действительно, горько и больно. Автор повести совершенно права.

Он был «всего лишь»
человеком Культуры,
просвещающим свой народ
этой культурой на том
пространстве, которое ему
предоставила
кровавая история
безбожного
«века сего».

И все-таки «Корней Иванович Чуковский» в повести Елены Константиновны Зелинской есть ее персонаж, сохраняющий в себе трагедию подлинного Корнея Чуковского, которого мне по большому счету не от чего тут защищать.

...Я оговорюсь лишь, что «уничтожив Чарскую» в своих молодых статьях, он хлопотал о помощи ей продуктами в 1920-х, и она написала ему (не вспоминая дореволюционные критические разгромы): «У Вас есть дети, и за то доброе, что Вы делаете другим, они должны быть счастливы и будут, если существует справедливость на земле. Верите ли, за весь этот год... я впервые почувствовала, узнав о Ваших хлопотах, что свет не так уж плох, раз на земле живут такие светлые люди, как Вы и Вам подобные»*.

...Добавлю и то, что явивший «свою проницательность всему читающему миру» Евгений Шварц, из чьего дневника было скомпилировано знаменитое «разоблачение» под названием «Белый волк» (и поначалу опубликованное после смерти К. Ч. в «тамиздате»), успел пожалеть о своих эмоциях и выводах (где, впрочем, присутствуют и объективные черты личности Чуковского). Но об этом подробно написал их общий друг Л. Пантелеев, что и напечатано при републикации как «Белого волка», так и другого — апологетического — текста Евгения Львовича о Корнее Ивановиче. Все это — в книге «Воспоминания о Корнее Чуковском», выпущенной издательством «Никея» (2012).

Я просто хотел, не противореча автору повести, уточнить, что неверующий Корней Чуковский (в крещении Николай), будучи, как и многие, «жертвой времени», с религией, слава Богу, не сражался. Он был «всего лишь» человеком Культуры, просвещающим свой народ этой культурой на том пространстве, которое ему предоставила кровавая история безбожного «века сего». Хотя и на своем «поле», как видно из сюжета с «Вавилонской башней», он был готов совершать какие-то подвиги, почти не веря в их состоятельность. Но его душа не сгорела, она действительно болела и мучилась. Некоторые его современники это поняли. Пущенный в «самиздат» поминальный текст о Чуковском пера филолога Юлиана Оксмана открывался удивительной фразой: «Умер последний человек, которого еще сколько-нибудь стеснялись...» ♣.

Мария Вениаминовна Юдина.
Фото Я. С. Назарова.
1968

* См. об этом публикацию Владимира Глоцера <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/glotserv.htm>. — Ред.